

культура. - 1996.
- 12007. - с. 1

Ваши

сын и брат

Сергей ЕСИН

Вы помните, когда первый раз появился на экране Леонид Куравлев? Все почему-то уверены, что это было у Шукшина в фильме "Живет такой парень", но это не так. Был такой фильм, в свое время пользовавшийся большим успехом из-за блистательного Вячеслава Тихонова, — "Мичман Панин". На периферии сюжета болтался такой паренек, матросик, забубенная головушка; так получилось, что эта "головушка" оказалась вовлеченной в сугубо революционные дела начала века. И вот, чтобы отвлечь внимание командования военного корабля, на который грузятся в трюм тайно поднятые со шлюпки подпольщики, этот матросик якобы сошел с ума: ему "привиделся" государь-император, и он, маршируя по палубе, торжественно и восторженно-нелепо поет: "Боже, царя храни!" Крошечный эпизод с неизвестным актером стал блестящим началом пути.

Но ведь, кажется, еще до этого Куравлев снялся у Кулиджанова в "Когда деревья были большими" в роли тихого обожателя героини, сыгранной Инной Гуляй.

И мне становится жалько при одной мысли о том, что редкостный его талант мог бы потечь по этой накатанной колее. Какого бы актера мы тогда потеряли!

А ведь вполне так могло быть.

(Окончание на 11-й стр.)

Фото Н. САМОЙЛОВА

Ваш сын и брат

КРУПНЫЙ ПЛАН

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Что же объединило Куравлева с Шукшиным? Ведь, наверное, была мысль у Василия Макаровича самому сыграть неупутевого Пашку-Пирамидона? Может быть, и была. Но, наверное, не дали, в ужас пришли — ведь первая картина! Решили — Куравлев вытянет. Он и потом много чего вытягивал. Вытянет — и, пожалуй, снимет с фильма некий налет диссидентства, переведет все в этакий хохмаческий ряд, сыграет очередного “комикадзе”, именно так, через букву “о”. Рассчитывали на всенародную любовь, на всеобщее приятие, на легкий, незлобивый юмор, но недооценили Куравлева — не так-то он прост, этот простой советский человек. Хотя и приделали фильму обычный хэппи-энд с горящим грузовиком — это, по сути, так и осталось посторонним довеском. А в общем развитии характера намешано много странного, шукшинского, что потом обернулось словом “чужаки”. Здесь и мистические байки, которые недаром Шукшин поручил рассказывать великой Анастасии Платоновне Зуевой. Здесь и конфликт с заезжими интеллигентами (Ренита и Юрий Григорьевы), которые его, Пашку Колокольникову, в упор не видят. И дурашливая его беседа с журналисткой (Белла Ахмадулина) — видите, какими плотными фигурами населил Шукшин мир непростого своего Пирамидона. Это ведь не случайно. Абсолютно не случайно, что на Чуйском тракте, где безраздельно хозяйничает Пашкин самосвал, ему постоянно встречаются такие занятные и разнообразием человеки: к неинтересному интересное бы не прибилось.

Что объединило Куравлева с Шукшиным? Очень стойкое, крепкое основание — русский народный характер. Почти сказочный. Почти Иванушка-дурачок или Емеля, который щуку поймал. Искони наше, национальное, что потом мы не раз встречали в лучших работах Куравлева, хотя союз их с Шукшиным был до обидности недолог, краток.

Был еще “Ваш сын и брат”. Это оттуда эпизод побега из тюрьмы одного из братьев, который оказался на деревенских посиделках. А потом этот дерущий сердце эпизод с немой сестрой, которая слабыми руками тащит брата от вдруг явившихся милиционеров: он, оказывается, из тюрьмы сбежал буквально за несколько дней до освобождения, а теперь сидеть ему и сидеть. Вот здесь впервые, и опять у Шукшина, актер обнаруживает в

себе трагическое начало. Если бы ему развиваться дальше!

После шукшинских героев, когда Василий Макарович набрал “вес” и ему самому разрешили играть в его картинах, мы отчетливо поняли, что именно Куравлев был его истинным alter ego. После Пашки Колокольникова и Степана куравлевский Афоня, безусловно, стал вершиной его творческих усилий, соединив в себе истинно куравлевское сказочное лукавство — здесь, в Афониных снах, есть определенные переключки со снами Пашки-Пирамидона — с этим особым Емелиным шалтай-болтанием. И, наконец, с той же Пашкиной тоской по негражданственности, по неиспользованности собственной натуры. И, как и в фильме “Живет такой парень”, есть в “Афоне” тоже припиленный наскоро хэппи-энд с девочкой со “скорой помощи”. Но это также легко “отшпиливается” и зрителем, и самим актером. Важнее другое. Афоне постоянно снится деревенский дом то ли его матери, то ли тетки, — и здесь мы снова возвращаемся к народным истокам его шепутного характера.

Данелия дал ему в наставники героя Евгения Леонова, который приходит в холостяцкую Афонику берлогу со своей пижамкой в цветочках, с пачками лапши, раскладушкой и с целым набором положительных качеств. Но понастоящему-то никакой он не наставник и не друг. И когда отсиделся, сбежав от жены с ее нудежом, то так же просто бросил Афонию, как и вселился к нему. Так что не наставник он, а антипод — больший даже, чем выпивоха и горлопан Брондукова. Здесь очень важный момент в движении Афониного характера.

Признаю, я не так уж много видел куравлевских ролей — говорят, он сыграл их больше сотни, — но я стараюсь выделить в нем некую доминанту. Этот актер действительно сыграл много, быть может, даже слишком много. Нет ли здесь противоречия? Думаю, что нет. Ибо есть основа, и она не теряется никогда. Вот, например, недавно благодаря кинофестивалю “Литература и кино”, где был председателем жюри, я увидел его в совершенно, казалось бы, не свойственной ему роли — русского англичанина помещика в экранизации пушкинской “Барышни-крестянки”. Конечно, Куравлев уже поселился, заматерел, и ему пора уже переходить на возрастные роли. Но ведь что интересно в этой работе? Основа его дарования удивительно совпадает с пушкинской аурой — сколько он ни англичанинствует, ни пьет “tea

with milk”, ни мается над чисто оксфордским произношением, лезет перед гувернанткой собственной дочери, он же насквозь степной или лесостепной, насквозь русопятый — несмотря на халат с кистями, всякие там кальяны и мучительное английское “th”, которое ему никак не дается, как впрочем, и мне самому. Это все та же лукавая, широкая, национальная натура, только зажатая в модные рамки туманного Альбиона, которые ему — как турецкие остроносые чувяки на широкой медвежьей лапе. Куравлев и здесь, в этой, в общем, небольшой роли, почти абрисе, показал себя мудрым, разнообразным, зрелым мастером.

Конечно, весьма драматические мысли приходят в голову, когда пытаешься размышлять о талантах, вращенных советским, да, именно советским искусством, и кино в частности. Недавно я был на вечере памяти Фаины Георгиевны Раневской, с которой имел счастье быть знакомым. Она, кажется, не любила кинематограф, в котором ее нещадно эксплуатировали и где за исключением, может быть, ромовской “Мечты” сыграла лишь серию блистательных эпизодов. И тем не менее у Раневской была отдушина, был театр.

У Куравлева (уже слышу возгласы снобов — нашел кого с кем сравнить!) нет и этой ниши — театра. А кинематограф сегодня разваливается или уже развалился — говорят. Мне рассказывали, актер где-то на публике жаловался: что вот предлагают или чуть-чуть собачью, или, мол, сиди и не кукарекай. Не обессудьте, мол, что увидите меня и не в самом выдающемся фильме — таких теперь и нет вовсе. Каково ему? Каково таким, как он? Ведь не только кино, но и телевидение, художественное телевидение, тоже разваливается — все эти сериалы, которые мы дружно поругивали в свое время, ведь и они приказали долго жить. А у Куравлева и здесь были победы — он снимался у Татьяны Лиозновой в “Семнадцати мгновениях весны” и в “Мы, нижеподписавшиеся”.

Куравлев не из тех актеров, которые могут играть для зала на сто человек, так сказать, для пап и мам. Кинематограф без зрителя — это не для него, у его дарования широкое и вольное дыхание, он создан для народных аудиторий. Куда же теперь таким податься?

Говорят, он не любит давать интервью, не любит ездить на фестивали и, кажется, ни разу не был на знаменитом “Кинотавре”.

Ну что ж, это тоже черта характера, за которую его можно уважать, — он не вписывается в тусовку. Быть может, это и к лучшему?